

УДК 82-225

**«ПИСЬМА ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА» К. М. СТАНЮКОВИЧА:
СИНТЕЗ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИЙ**

Чжан Менцзя

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail: mengjia9339@mail.ru

Большинству читателей К. М. Станюкович известен как автор увлекательных произведений о море и морях. Это закономерно, поскольку писателю удалось создать достоверные портреты моряков и реалистичные картины морской жизни, что стало для русской маринистики явлением совершенно новым и перспективным. Однако созданию произведений на морскую тему предшествовали два десятилетия напряженных творческих поисков, результаты которых публиковались на страницах российской прессы. Анализ этого творческого периода позволяет объективно оценить эволюцию, которую претерпели литературные приемы и методы К. М. Станюковича. В настоящей статье исследуется синтез русских литературных традиций, реализующийся К. М. Станюковичем при создании цикла фельетонов «Письма знатного иностранца» (1878–1897). Адаптировав в сфере публицистики литературные подходы авторов-предшественников, обновив существующие традиции, писатель сумел создать оригинальное и широкоформатное сатирическое полотно современной ему действительности.

Ключевые слова: К. М. Станюкович, литературная традиция, сатира, мнимый иностранец, пародия.

ВВЕДЕНИЕ

Главным достижением К. М. Станюковича стали произведения на морскую тематику, созданные в последние полтора десятилетия жизни писателя. Строго говоря, литературное творчество К. М. Станюковича и началось с произведений о море и морях: еще в 1863–1864 гг. в «Морском сборнике» публиковались его очерки, основанные на наблюдениях, сделанных во время кругосветного плавания. Однако чтобы морской офицер стал знаменитым писателем-маринистом, понадобилось более двадцати лет напряженного творческого развития. В эти годы К. М. Станюкович испробовал себя во множестве жанров художественной литературы и публицистики, освоил множество тем, весьма далеких от морского быта, но именно этот долгий период поиска оригинальных стилистических приемов и героев стал уникальной школой, позволившей К. М. Станюковичу вывести русскую литературную маринистику на новый уровень. Творчество этого

периода должно вызывать пристальный интерес науки, поскольку только анализ эволюции писателя позволит объяснить природу художественных открытий, принадлежащих зрелому К. М. Станюковичу в области маринистики. И в этой плоскости первостепенное значение приобретает вопрос о формировании автором собственной тактики взаимоотношений с литературными традициями. Причем вопрос этот должен рассматриваться в более широком контексте, нежели произведения на морскую тематику, поскольку, повторим, маринистика К. М. Станюковича – результат авторских поисков в разных идейно-тематических направлениях и в разных областях и жанрах словесности.

Цель настоящей статьи – выявить механизмы модернизации литературной традиции, выработанные К. М. Станюковичем при создании цикла фельетонов «Письма знатного иностранца». При этом необходимо решить следующие **задачи**: проследить традицию имитации русской литературой иностранной рецепции России; выявить объекты и цели пародирования в «Письмах знатного иностранца»; доказать влияние сатирических приемов М. Е. Салтыкова-Щедрина на стиль и структуру «Писем...»; выявить оригинальные подходы и методы К. М. Станюковича, использованные при создании «Писем...». **Объект** статьи – синтез и модернизация литературных традиций в «Письмах знатного иностранца», **предмет** – особенности пародирования зарубежного текста о России и специфика сатирического осмысления российской действительности в «Письмах знатного иностранца».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Многие газетные и журнальные выступления К. М. Станюковича образуют тематические или жанровые единства, маркированные или не маркированные автором, но имеющие характерный набор идейно-тематических и стилистических признаков. В нашей статье речь пойдет о, пожалуй, самом цельном и последовательном публицистическом цикле, над которым К. М. Станюкович работал с 1878 по 1897 г. и который состоит из 92 отдельных текстов, создававшихся автором под общей рубрикой «Письма знатного иностранца».

Публикацию «Писем...» К. М. Станюкович начал в 1878 г. во влиятельном журнале «Дело», имевшем выраженный революционно-демократический характер. В 1883 г. К. М. Станюкович возглавит этот печатный орган, однако в 1878 г. он только начал сотрудничество с журналом в роли корреспондента. Как правило, К. М. Станюкович выступал под псевдонимом «Откровенный Писатель», наполняя рубрику «Картинки общественной жизни». Содержание рубрики под пером К. М. Станюковича получалось весьма пестрым – и по стилю, и по жанру. Чаще всего это были обличающие отклики на актуальные события. Порой они приобретали вид сатиры с элементами гротеска, порой тяготели к аналитическим рассуждениям, основанным на статистических сведениях, а иногда включали в себя выраженное лирическое начало. Так, в № 5 за 1879 г., анализируя т. н. «Кутаисский процесс» (или «Кутаисское дело», в рамках которого рассматривались обвинения евреев в ритуальных убийствах), К. М. Станюкович посвятил несколько страниц детским воспоминаниям [10, с. 119–122], чтобы обосновать свою позицию по этому делу личным жизненным опытом. В иных случаях К. М. Станюкович вовсе отходил от привычных для рубрики «Картинки общественной жизни» жанров фельетона, обзора, аналитической статьи и вместо них помещал художественные очерки, изображающие некие типажи из русского общества. В качестве примера можно привести очерк «Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим», помещенный в журнале «Дело» в 1879 г. [11].

Но хотя стилевое и жанрово-тематическое содержание «Картинок общественной жизни» выглядело мозаичным, целый ряд фельетонов К. М. Станюковича явно и последовательно формировался в рамках единого, регулярно пополнявшегося цикла. Речь идет о псевдокорреспонденциях, написанных от лица некоего англичанина и якобы переведенных с английского языка Откровенным Писателем; они поначалу публиковались под рубрикой «Картинки общественной жизни» [12], но потом оформились в самостоятельный раздел под заглавием «Письма знатного иностранца». В 1878 и 1879 гг. новые «Письма...» регулярно появлялись в журнале, однако позднее перерывы в их

публикации стали значительными. В 1884 г. работа над этим циклом была надолго прервана арестом и ссылкой писателя. После возвращения из Сибири К. М. Станюкович, однако, сумел возобновить (в 1896 г.) публикацию «Писем...» в одном из самых читаемых журналов того периода – «Русской мысли». В 1897 г. «Письма...» были собраны воедино (за исключением не пропущенных цензурой) и составили два тома (X и XI тт.) первого собрания сочинений писателя (в 13 тт.), публиковавшегося в издательстве А. А. Карцева в 1997–1900 гг.

В 1970-е гг. «Письма знатного иностранца» привлекли внимание известного советского литературоведа В. Г. Дмитриева, который изучал историю псевдонимов. Цикл фельетонов К. М. Станюковича он отнес к группе мистификаций, написанных от лица «мнимых иностранцев». В. Г. Дмитриев полагал, что тексты такого рода образуют некую традицию, которая ведет свое начало от «Персидских писем» Ш. Монтескье (1721). Имитируемые отзывы вымышленного иностранца на страну, как справедливо утверждал В. Г. Дмитриев, позволяли «по-новому освещать давно знакомые вещи – ведь иностранцы часто замечают то, на что коренные жители страны, свыкшись, не обращают внимания» [3, с. 182]. В качестве непосредственного предшественника К. М. Станюковича в русской литературе В. Г. Дмитриев указывал В. С. Курочкина, который в 1862 г. опубликовал стихотворение «Письмо об России Фукидзи-Жен-Ициро к другу его Фукуте Чао-Це-Цию. (Перевод с японского и примечания Тацио-Ио-Саки)», где пародировал японский взгляд на Петербург и иронично показывал результаты заимствования Россией западных форм жизни и культуры [8, с. 140–145]. В качестве ближайшего последователя «английских» фельетонов К. М. Станюковича В. Г. Дмитриев называл С. А. Раппопорта, выпустившего «Письма незнатного иностранца о России», которые «отражали разгул реакции после революции 1905 г.» [3, с. 182].

Выделение упомянутой триады авторов, маскирующихся под иностранцев (В. С. Курочкин, К. М. Станюкович, С. А. Раппопорт), выглядит весьма обоснованным (даже если учесть, что сочинение В. С. Курочкина по форме и объему несопоставимо с «Письмами знатного иностранца»). Однако

представляется слишком «пунктирным» выводить «родословную» русских «мнимых иностранцев» второй половины XIX в. напрямую от Монтескье. Дело в том, что в русской литературе с начала XIX в. формировалась собственная традиция имитации зарубежных текстов о России, и эта традиция должна была оказаться для К. М. Станюковича более актуальной, нежели пример Монтескье.

В монографии В. В. Орехова «Русская литература и национальный имидж» подробно исследована природа интереса русской литературы XIX в. к европейским текстам о России и описана история осмысления русской литературой этих текстов. Если обобщить, то всплеск внимания русского общества к европейской рецепции России был обусловлен возросшей ролью России на международной арене после победы над Наполеоном. Европейские тексты о России собирались в библиотечные коллекции, исследовались, переводились на русский язык, перепечатывались в сопровождении научных и публицистических комментариев, обсуждались в прессе. И на протяжении всей первой половины XIX в. эта тенденция усиливалась, вовлекая в процесс общенационального обсуждения европейских мнений о России литераторов первостепенной величины: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена и мн. др. Помимо прочего, русская литература стремилась воссоздать типичные элементы европейского текста о России. Именно в этом контексте следует рассматривать и знаменитый Грибоедовский пассаж о французице из Бордо, и анекдоты об иностранных путешественниках из «Старой записной книжки» П. А. Вяземского, и многочисленные высказывания о России и русских, вложенные в уста французских персонажей романа М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», и рассказанную устами французского офицера историю о российских победах французов в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Лейтенант Белозор», и описание российских впечатлений м'сье Петитома в рассказе В. И. Даля «Находчивое поколение», и т. д. [7, с. 538–542; 554–559]. По мнению В. В. Орехова, эти фрагментарные зарисовки были продиктованы общим стремлением русской литературы осмыслить европейский текст о России [7, с. 540]. Причем со временем русская литература научилась имитировать европейский текст о России с исключительной точностью. В качестве

примера можно привести знаменитую мистификацию П. П. Вяземского, который в 1880-х гг. подделал письма французской путешественницы Омер де Гелль и надолго ввел в заблуждение историков литературы [4, с. 9–33; 400–414].

Таким образом, нам необходимо ответить на вопрос, что побудило К. М. Станюковича вести повествование от лица иностранца: желание вслед за Монтескье заострить взгляд на предметах малопримечательных для коренных жителей страны или стремление вслед за русскими литераторами, моделируя европейский текст о России, осмыслить сущность этого текста?

С мнимым автором «Писем...» мы знакомимся на страницах первого же послания. Это некий Джон Смит, который регулярно рассказывает в корреспонденциях к супруге Дженни о своем пребывании в России. Стилевая «интимность» переписки позволяет ему признаваться в таких вещах, которые изначально ставят под сомнение его авторитет. Так, оказывается, что знатность Джона является фальшивой, поскольку свой паспорт на имя лорда Розберри он попросту подделал, да и цели его путешествия выглядят весьма шарлатанскими: «заняться в русской столице весьма благородной профессией медиума или духовной деятельностью по обращению светских дам из лона православия в лоно духовных жен» [9, т. 10, с. 182]. Словом, Джон Смит должен был ассоциироваться у российского читателя с хорошо знакомым по многим литературным произведениям типажом «мошенника-иностранца», прибывшего в Россию «на ловлю счастья и чинов». Однако столь прямое саморазоблачение, да еще – в первом же письме, заставляет читателя, во-первых, с иронией отнестись к личности Смита, а во-вторых, подозревать, что послание является не частью реальной переписки, а искусственной, художественной конструкцией – слишком полной выглядит самохарактеристика псевдолорда и чересчур явной и циничной изображается его склонность к жульничеству.

Эта последняя читательская догадка должна была усиливаться после рассказа Смита о первых «русских впечатлениях». Пока он сообщал жене о «снежных полях» и «заметенных деревнях», его повествование укладывалось в формат типичного европейского текста о России, поскольку «северный колорит»

был почти обязательным атрибутом российской экзотики [5, с. 154–159]. Но далее в письме следовал пассаж о русских волках: «Русские чувствуют замечательную любовь к этим животным (такую же, как и к клопам) и, несмотря на то, что эти хищники ежегодно поедают детей и вообще приносят стране большой убыток, они пользуются правами русского гостеприимства и были даже случаи, что они забегали в земские управы справляться, получены ли ходатайства об их истреблении» [9, т. 10, с. 184]. Этот фрагмент выглядел совершенно анекдотичным и напоминал упоминавшиеся нами сатирические имитации европейского текста о России, предпринимавшиеся П. А. Вяземским, А. А. Бестужевым-Марлинским, В. И. Далем и т. д. Уже с этого момента читатель должен был абсолютно увериться, что «Письма знатного иностранца» представляют собой сатирический вымысел, принадлежащий вовсе не иностранцу.

Как уже было сказано, имитация европейского текста о России, в том числе имитация со значительной долей сатиры и гротеска, была вполне освоена русской литературой. Можно предположить, что после первого письма Джона Смита читатель ожидал, что и последующие корреспонденции будут высмеивать верхоглядство англичанина в отношении России и непонимание им российских реалий. Действительно, второе письмо, посвященное Петербургу, начиналось с описания русских дрожжек. В этом проглядывает стремление реального автора писем снова использовать типичную модель иностранных «сказаний» о России, значительную часть которых, как правило, составляли яркие сцены путешествий на перекладных и связанные с этим видом транспорта неудобства и приключения [6]. Джон Смит не пользовался перекладными, поскольку в столицу он добирался поездом, однако и столичных дрожжек ему вполне хватило, чтобы получить яркие впечатления о местном способе передвижения. Сравнив этот род экипажа с орудием средневековой пытки, он пояснял супруге: «Представь себе инструмент или снаряд, возможный для сидения одному и невозможный для двух, который словно мячик, прыгает по каменным кочкам, внушая со стороны зрителей соблезновение за целостность внутренностей седока, и ты будешь иметь слабое

понятие о том адском экипаже, который называется здесь дрожками» [9, т. 10, с. 190–191]. Эта ирония в отношении «изнеженного европейца», столкнувшегося с российскими дорожными трудностями, думается, была вполне ожидаема читателем, но вот дальнейший текст сигнализировал о том, что реальный автор стилизованных писем выходит за рамки традиционного подтрунивания над иностранцем и распространяет сатирический тон описания и на сами российские реалии.

Со слов некоего гласного, Джон Смит сообщает Дженни, что мостовые и дрожки в российской столице именно потому и существуют, что обеспечивают тряскую езду. Это обусловлено тем, что «чиновники и клерки разных учреждений, отправляясь на службу, находятся в том состоянии полуспячки, которая по прибытии к местам службы легко и скоро переходит в летаргию и, таким образом, дела, и дела иногда весьма спешные, часто остаются без движения в ожидании окончания перемежающейся летаргии» [9, т. 10, с. 191]. Лишь мостовые и дрожки, по словам Смита, позволяют российским властям бороться с сонливостью мелких чиновников. Впрочем, дополняет Смит, эта мера не имеет эффекта в отношении чиновников уровня директоров правлений, поскольку у них есть возможность передвигаться с комфортом в собственных каретах, вследствие чего швейцары вынуждены доставать их сонными из карет, снимать с них шубы и нести в совещательные комнаты, где «сажают их в кресла и дают каждому в рот по одному пшеничному леденцу, и никто из них не просыпается» [9, т. 10, с. 191]. Пародирование европейского текста о России допускало прием гротеска (например, комично преувеличенный ужас перед российскими холодами), но у К. М. Станюковича гротеск разрушал привычную структуру пародии. Дело в том, что подобная фантазмагория никак не могла объясняться неосведомленностью иностранца или его доверчивостью к чужим мнениям, национальным эгоизмом и т. д. Гротеск такого уровня давал читателю понять, что автор, скрывшийся под маской англичанина, нацелил сатирическую оптику не только на пресловутое непонимание иностранцами российских нравов, но и на сами российские нравы.

После такого поворота русский читатель мог вспоминать уже не отечественные пародии на зарубежные заметки о России, а, скажем, «Путешествие Гулливера» в страну лилипутов, жизнь которых явилась карикатурным отражением общественных порядков Англии. Но в «Письмах знатного иностранца» в карикатурном зеркале отразились не английское административное устройство, а российское, а потому для российского читателя были более актуальны ассоциации с произведениями отечественного сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, прежде всего – с «Историей одного города», вышедшей не так давно – в 1870 г.

Исследователи уже обращали внимание на особое отношение К. М. Станюковича к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. По убеждению В. П. Вильчинского, будущий маринист публицистике «использовал словесно-изобразительные средства, сатирические формулы Щедрина, стремясь развить их в новых исторических условиях» [2, с. 201]. В «Письмах знатного иностранца» К. М. Станюкович порой сам намекал на ассоциации с творчеством М. Е. Салтыкова-Щедрина. В одном из писем Джон Смит, повествуя о системе образования для привилегированных детей, пересказывал супруге произведение «одного из талантливейших русских писателей» об «ужасном» положении, в котором «очутились два русских гражданского ведомства генерала, выкинутые по легкомыслию на необитаемый остров» [9, т. 10, с. 295].

Однако более прочную связь «Письма...» все же образовывали именно с «Историей одного города». Многие эпизоды своей абсурдностью должны были напомнить читателю портреты глуповских градоначальников. Таков, например, рассказ Джона Смита о заседании членов некой страховой компании. Ее директор был уличен в мошенничестве и получил от акционеров вотум недоверия, тем не менее сохранил за собой должность, публично заявляя, что досрочное переизбрание нанесет ему материальный урон, при этом ожесточенную критику, или «ядра брани» [9, т. 10, с. 201], акционеров он перенес совершенно спокойно, поскольку лоб его был «из бронзированной меди» [9, т. 10, с. 202].

Но дело даже не в частных «переключках» на уровне использования похожих сатирических приемов, а в схожей архитектонике сатирического отражения действительности. В обоих произведениях создан персонаж-рассказчик, способный из отдельных карикатурных зарисовок сконструировать цельный сюжет повествования: у Щедрина – это летописец, а у Станюковича – иностранный путешественник. В результате обоим сатирикам удалось создать весьма масштабные сатирические полотна. Разница лишь в том, что для Щедрина было важным выстроить сюжет по хронологической (исторической) оси, а Станюкович мало углублялся в историю, явно стремясь к широте охвата современности. Поэтому-то ему и был удобен образ иностранного путешественника – человека, который передвигается по современной России в любых направлениях: от Крыма до Нижнего Новгорода и от Дерпта до Уфы.

Тем не менее сходство между летописцем Щедрина и заезжим англичанином Станюковича весьма сильно. Оба рассказчика описывают очевидный абсурд с видимой серьезностью человека, воспринимающего этот абсурд либо в качестве нормального хода дел, либо – примечательного явления. И это, безусловно, усиливает комический эффект. В этом отношении К. М. Станюковичу в качестве вымышленного автора «Писем...» опять же очень подходил именно иностранец, поскольку восприятие нестандартных ситуаций *чужого* быта в качестве нормы – распространенная и узнаваемая черта большинства путевых заметок о *чужих* странах [7, с. 14–15].

К. М. Станюкович решил еще усилить комический эффект и сопроводил текст «Писем...» комментариями псевдопереводчика, роль которого, напомним, выполнял «Откровенный Писатель». Этим псевдонимом К. М. Станюкович подписывал большинство своих публикаций в журнале «Дело», а потому для читателя «Откровенный Писатель» был автором множества довольно серьезных произведений. Но в «Письмах...» задача «Откровенного Писателя» – подыгрывать англичанину-рассказчику, спорить с ним в серьезном тоне, но

одновременно демонстрировать собственную неспособность постичь абсурдность описываемых ситуаций.

Так, Джон Смит описывает заседание «знаменитого общества общественного кредита», которое завершилось скандалом. Причиной послужило то, что председатель общества г. Бабст отказался обнародовать финансовые отчеты, которые, как позднее выяснилось, подтверждали факты его злоупотреблений. Отказ от обнародования отчетов явно противоречил закону, однако некоторые из собравшихся придерживались убеждения, что «закон писан не для начальников». Тем не менее по залу распространялся недовольный ропот, который не удавалось заглушить. Тогда председатель «божьей милостью и волею народа» провозгласил себя королем взаимного кредита Бабстом I.

Откровенный Писатель сопроводил этот эпизод примечанием, в котором обвинил Джона Смита в преувеличениях, среди которых главное – рассказ о провозглашении г. Бабстом себя королем. «Этого не было» [9, т. 10, с. 217], – категорично заявляет комментатор. Такое опровержение откровенно фантастической части всей истории наталкивало читателя на очевидный вывод, что все остальные уродства ситуации: узаконенное обычаем неподчинение начальника государственному закону, непрозрачная отчетность, финансовые злоупотребления – в глазах благонамеренного комментатора вещь совершенно обычная и нормальная. Таким образом, игра в «иностранца и комментатора» значительно заостряла сатирический пафос.

Следует заметить, что, при явном сходстве между «Письмами знатного иностранца» и «Историей одного города», между этими произведениями существуют принципиальные различия. Сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина, как правило, нацелена не просто на современные ему изъяны общественной жизни, а на общие, исторические закономерности. Именно поэтому «История одного города» не сцементирована с одной конкретной эпохой и продолжает сохранять свою актуальность. Так, гибель невинных и не причастных в периоды общественных потрясений отражена у М. Е. Салтыкова-Щедрина неоднократно

повторяющейся сценой: всякое бурное событие в Глупове завершается тем, что гибнет очередной Ивашка.

К. М. Станюкович временами также вовлекает в сферу сатирического осмысления общественные обычаи, которые имели долгую историю, сохранившись, например, как рудимент крепостного права. Речь, скажем, о рукоприкладстве как о традиционном способе административного воздействия. Джон Смит повествует, что рукоприкладство в России осуществляется «с целями весьма похвальными: исправить кого-либо или внушить какие-либо понятия высшего порядка». По уверению англичанина, такая система решения споров является национальной формой «самоуправления» [9, т. 10, с. 243–244].

Не обошел вниманием Джон Смит и пресловутую особенность национального характера – полагаться на «авось». «Ни перед какими обстоятельствами, – сообщает путешественник, – как бы они, казалось, ни были затруднительны, русские не только не падают духом <...>, но даже и не придают им того значения, какое придал бы скоро унывающий европеец, и с какою-то восхитительно детской верою из года в год, изо дня в день надеются на покровительство Провидения, предоставляя главнейшим образом ему заботы о всех своих нуждах, начиная с самых простых и кончая сложнейшими» [9, т. 10, с. 243–244].

Однако важно, что подобного рода «наблюдения» «знатного англичанина» по поводу ментальных особенностей занимают довольно незначительное место по сравнению с вопросами актуальной общественной жизни. Регулярно публикуемые в журнале, «Письма знатного иностранца» служили злободневным откликом на резонансные события, которые обсуждались в прессе. К числу таких событий и относились уже упомянутые нами и скандал на заседании одного из обществ общественного кредита, и подобный скандал в одной из страховых компаний, а кроме того – многочисленные громкие судебные процессы. Регулярно в поле зрения «знатного иностранца» попадали внешнеполитические вопросы, скажем, Берлинский конгресс (1878), который проходил в условиях жесткой дипломатической борьбы и значительно сужал политические

возможности балканских славян, приобретенные в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., что вызывало острую реакцию российских газет [9, т. 10, с. 247–253]. Закономерно, что в «Письмах...» сатирически освещались вопросы, близкие К. М. Станюковичу в силу его профессиональной флотской подготовки. Он высмеивает новый тип бронированных плавучих батарей – т. н. «поповки», которые, приняв участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., продемонстрировали ряд технических недостатков [9, т. 11, с. 250–254].

Зачастую «Письма знатного иностранца» становились откликом на события литературной жизни. Одно из них – статья Б. М. Маркевича «С берегов Невы. XIII» (1879), которая возводила на И. С. Тургенева «обвинения чуть ли не уголовного свойства» [9, т. 11, с. 129] и носила характер откровенного доноса [14, с. 679–680; 13, с. 296]. Даже в глазах «заезжего англичанина» эта статья выглядела как проявление нравственного уродства. Еще один литературный повод, привлечший внимание Джона Смита, – знаменитая речь Ф. М. Достоевского о Пушкине, произнесенная в июне 1880 г. Заметно, что на истинного автора «Писем...» К. М. Станюковича это выступление произвело негативное впечатление, поскольку ассоциировалось с ура-патетическими выступлениями, то и дело звучащими в прессе и отвлекавшими внимание от острых социальных вопросов. И потому устами Джона Смита К. М. Станюкович «хвалил» речь Достоевского за исключительную «самоуверенность» и «пророческий апломб» [9, т. 11, с. 210].

Сосредоточенность К. М. Станюковича на освещении именно резонансных событий вела к тому, что в поле зрения его героя-рассказчика попадала, главным образом, столичная жизнь, создавались типизированные портреты из городской среды: чиновников разного ранга, купцов, промышленников, журналистов, обывателей, финансовых аферистов и т. д. Что же касается крестьянства, которое всегда являлось носителем наиболее характерных черт национальной ментальности и традиций и которое поэтому, казалось бы, должно было привлечь внимание «знатного иностранца», то эта огромная общественная группа почти вовсе не попадает в зону видимости Джона Смита. На всем протяжении его

многолетней корреспонденции удается обнаружить лишь несколько обрывочных замечаний, на основании которых выстраивается нерадостное заключение, что «русские сельские граждане» «по поводу свершающихся событий никаких мнений не имеют, погруженные в заботы об изысканиях суррогатов, заменяющих хлеб» [9, т. 11, с. 267], и «лишь только чувствуют <...> свое высокое назначение быть <...> главным источником доходов государственного казначейства» [9, т. 11, с. 397].

Известный исследователь творчества К. М. Станюковича В. П. Вильчинский справедливо замечал, что «Письма знатного иностранца» «иногда почти дословно» повторяют текст его «Картинок общественной жизни» [1, с. 162]. Это объяснимо, поскольку оба публицистических цикла готовились автором синхронно, публиковались в одном и том же периодическом издании и выполняли сходную задачу – оперативно реагировать на актуальные события. Видимо, сжатость сроков для регулярной подготовки «Картинок...» и «Писем...» принуждала автора в ряде случаев жертвовать «чистотой жанра». Для «Картинок общественной жизни» это было несущественно, поскольку, как уже было сказано, они изначально отличались жанрово-стилистической разнородностью, что гарантировало автору «свободу маневра». Но вот «Письма знатного иностранца» требовали соблюдения определенных правил, выработанных самим же К. М. Станюковичем: изображение жизни в шутовом, юмористическом, сатирическом свете, пародирование иностранной рецепции России, продолжение дуэтной игры героя-рассказчика и переводчика-комментатора и т. д. Однако соблюсти эти правила автору удавалось не всегда. Порой он обращался к таким вопросам, которые попросту не допускают шутовского отношения. Когда речь заходит об эпидемии дифтерита, охватившей несколько губерний, то автор, отказавшись от привычной сатирической стилистики, от лица Джона Смита совершенно серьезно, с использованием фактов описывает масштабы бедствия и указывает на нераспорядительность властей [9, т. 11, с. 97–102]. Когда к эпидемии присоединяется еще и голод, то автор снова берет серьезный тон, перечисляет ужасающие факты и приводит скорбные статистические сведения [9, т. 11, с. 146–153]. В таких случаях автор вынужден отходить от формата

пародии, но тогда выглядит не вполне оправданным присутствие в тексте англичанина-рассказчика, поскольку читатель, конечно, с гораздо большим доверием воспринял бы факты и статистические данные из уст отечественного публициста, чем заезжего и не слишком добросовестного иностранца.

Еще одна сложность при создании «Писем...», думается, заключалась в том, что тема пародирования иностранной рецепции не могла развиваться бесконечно. Между тем формат «Писем...» предполагал, что почти во всякой корреспонденции высмеивается либо непонимание (недопонимание) англичанином российских реалий, либо казусы, возникающие между английской и русской ментальностью. Но, как выясняется, перечень ситуаций такого рода конечен, а потому автору приходится повторяться, используя для вышучивания одни и те же поводы: слишком легкомысленное для англичанина умение русских полагаться на «авось», слишком «свойское», по английским меркам, отношение русских к государственной казне, слишком губительное для английского здоровья пристрастие русских к торжественным возлияниям и т. п. И если в первых письмах «знатного англичанина» повествование строилось в основном на пародировании европейской рецепции России, то к последним письмам эта тема заметно иссякает, а также ослабевает и создаваемый ею юмористический эффект; основной темой становится сатирическое изображение самой России.

К. М. Станюкович довольно быстро осознал, что сохранение жанрово-стилистического единства «Писем...» – задача довольно сложная, и именно поэтому отказался от первоначального плана вести повествование от лица нескольких иностранцев поочередно. Первые «Письма...» вышли под заглавием «Письма *знатных* иностранцев». В предисловии к этой – первой – публикации также сообщалось, что читатель познакомится с «похождениями “знатных” иностранцев» [12, с. 71]. Однако позднее сатирик остановился на фигуре лишь одного вымышленного заморского рассказчика – известного нам Джона Смита. Это позволило К. М. Станюковичу избежать повторов при описании однотипных «историй» первого знакомства разных иностранцев с Россией и укрепить единство всего цикла «Писем...» (публикация которого, напомним, растянулась

почти на два десятилетия) персонажем-рассказчиком, который со временем стал узнаваем и ожидаем читателем.

ВЫВОДЫ

Публицистическое творчество К. М. Станюковича имело ярко выраженный критический пафос. В условиях напряженной журналистской борьбы К. М. Станюкович стремился к поиску оригинальных жанрово-стилистических форм, которые позволили бы читателю увидеть социально-политические проблемы сквозь оптику, «не затертую» многочисленными газетно-журнальными публикациями. Выработывая повествовательную тактику, К. М. Станюкович опирался на традиции русской литературы. В частности, автор использовал прием пародирования иностранных текстов о России, неоднократно апробированный русскими писателями первой половины XIX в. Однако цель пародирования у К. М. Станюковича оказалась качественно иной, нежели у его предшественников: не сконцентрировать внимание публики на стереотипных моделях европейской рецепции России, а представить в сатирическом свете российскую реальность. При этом писатель во многом опирался на приемы и методы, привнесенные в русскую литературу М. Е. Салтыковым-Щедриным: использование героя-рассказчика с целью организации сатирического повествования и усиления комического эффекта, создание масштабного сатирического отражения действительности, карикатурность изображаемых сфер общественной жизни, формирование гротескных и фантазмагорических картин и образов. При этом полная адаптация щедринских подходов в публицистической сфере была невозможна даже на уровне целей, поскольку автор «Писем знатного иностранца» стремился осмыслить не извечные противоречия российской жизни, а, прежде всего, – актуальные, злободневные, «кричащие» вопросы, что превращало «Письма...» в серию социально-политических памфлетов. В результате темы для корреспонденций «знатного иностранца» не столько выбирались самим автором, сколько диктовались публицистическим резонансом, сиюминутным общественным запросом. Это, в свою очередь, не всегда позволяло

К. М. Станюковичу создавать все письма в едином стилистическом ключе, отражать действительность во всей ее полноте. Однако при всех объективных сложностях в целом К. М. Станюковичу удалось, успешно синтезировав и модернизировав приемы литераторов-предшественников, выработать оригинальный публицистический подход, который обеспечил циклу «Писем знатного иностранца» единство и позволил создать широкоформатное сатирическое полотно современной писателю действительности.

Список литературы

1. Вильчинский, В. П. Константин Михайлович Станюкович: жизнь и творчество [Текст] / В. П. Вильчинский. – М. – Л.: АН СССР, 1963. – 334 с.
2. Вильчинский, В. П. Цикл исследований одного автора [Текст] / В. П. Вильчинский // Русская литература. – Л.: Наука, 1969. – № 1. – С. 200–206.
3. Дмитриев, В. Г. Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов) [Текст] / В. Г. Дмитриев. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
4. Орехов, В. В. В лабиринте Крымского мифа [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь – Н. Новгород: Растр, 2017. – 579 с.
5. Орехов, В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2008. – 200 с.
6. Орехов, В. В. Образ ямщика во французском тексте и российском контексте [Текст] / В. В. Орехов // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. научно-практич. конф. (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь: АРИАЛ, 2016. – Т. 1. – С. 486–492.
7. Орехов, В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
8. Поэты «Искры». В 2-х тт. Том 1. В. Курочкин [Текст] / Сост. и примеч. И. Г. Ямпольского. – Л.: Советский писатель, 1987. – 383 с.
9. Станюкович, К. М. Собр. соч. В 13-ти тт. [Текст] / К. М. Станюкович. – М., 1897–1900. – Т. 10–11.

10. Станюкович, К. М. Откровенный писатель. Картинки общественной жизни [Текст] / К. М. Станюкович // Дело. – 1879. – № 5. – С. 119–146.
11. Станюкович, К. М. Откровенный писатель. Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим [Текст] / К. М. Станюкович // Дело. – 1879. – № 6. – С. 144–166; № 7. – С. 158–192; № 8. – С. 125–151.
12. Станюкович, К. М. Письма «знатных» иностранцев в переводе Откровенного Писателя [Текст] / К. М. Станюкович // Дело. – 1878. – № 3. – С. 71–97.
13. Тургенев, И. С. Из неизданной переписки с Б. М. Маркевичем и А. П. Философовой [Текст] / И. С. Тургенев // Звенья. – М. – Л.: ACADEMIA, 1935. – Т. V. – С. 282–303.
14. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. [Текст] / И. С. Тургенев. – М.: Наука, 1986. – Т. 12. – 814 с.

**LETTERS OF A NOBLE FOREIGNER BY K. M. STANYUKOVICH:
SYNTHESIS AND MODERNIZATION OF TRADITIONS**

Zhang Mengjia

Summary. K. M. Stanyukovich became famous for his literary works, in which he depicted the sea and sailors. The writer created authentic literary portraits of sailors and realistic, vivid pictures of marine life. Stanyukovich began writing about the sea and seamen in the last period of his life. Before that, he had published essays and articles for twenty years. He published them in various newspapers and magazines. It was a good literary school. Historians of literature must necessarily study this period. It helps to appreciate the evolution of Stanyukovich's style and skills. Our article studies the synthesis of literary traditions in the publicistic cycle by Stanyukovich *Letters of a Noble Foreigner* (1878-1897). It is a parody. The acquaintance of a fictional Englishman with Russian customs produced a comic effect. Stanyukovich adapted the literary discoveries of other well-known authors and added his original artistic techniques that helped him create an original satirical work about Russia.

Keywords: K. M. Stanyukovich, literary tradition, satire, fictional foreigner, parody.

References

1. Vilchinskii V. P. *Konstantin Mikhailovich Stanyukovich: Zhizn i Tvorchestvo* [Konstantin Mikhailovich Stanyukovich: Life and Works]. Moscow–Leningrad: AN USSR Publ., 1963. 334 p.
2. Vilchinskii V. P. *Tsikl Issledovaniy Odnogo Avtora* [One Author's Research Cycle]. *Russkaya Literatura*. Leningrad: Nauka Publ., 1969, no 1, pp. 200–206.
3. Dmitriev V. G. *Skryvshie svoe Imya (Iz Istorii Anonimov i Psevdonimov)* [Those Hidden their Names (From the History of Anonyms and Pseudonyms)]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 312 p.
4. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol–Nizhnii Novgorod: Rastr Publ., 2017. 579 p.
5. Orekhov V. V. *Mif o Rossii vo Frantsuzskoi Literature Pervoi Poloviny XIX Veka* [The Myth of Russia in the French Literature of the First Half of the 19th Century]. Simferopol: SGT Publ., 2008. 200 p.
6. Orekhov V. V. *Obraz Yamshchika vo Frantsuzskom Tekste i Rossiiskom Kontekste* [The Image of Coachman in the French Text and the Russian Context]. *Russkii Yazyk v Polikulturnom Mire: X Mezhdunarodnaya Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya (8-11 Iyunya 2016): Sbornik Nauchnykh Statei*. Simferopol: ARIAL Publ., 2016, t. 1, pp. 486–492.
7. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Natsionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX v.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
8. *Poety Iskry. T. 1. V. Kurochkin* [Poets of *The Iskra*. In 2 Vols. Volume 1. V. Kurochkin]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1987. 383 p.
9. Stanyukovich K. M. *Sobranie Sochinenii* [Collected works. In 13 Volumes]. Moscow, 1897–1900. Vol. 10–11.
10. <Stanyukovich K. M.> *Otkrovennyi Pisatel. Kartinki Obshchestvennoi Zhizni* [Pictures of Social Life]. *Delo*. 1879, no 5, pp. 119–146.

11. <Stanyukovich K. M.> *Otkrovennyi Pisatel. Pohozhdeniya Odnogo Blagonamerennogo Molodogo Cheloveka, Rasskazannye im Samim* [The Adventures of a Good-Minded Young Man, He Told himself]. *Delo*, 1879, no 6, pp.144–166; no 7, pp. 158–192; no 8, pp. 125–151.
12. <Stanyukovich K. M.> *Pisma «Znatnykh» Inostrantsev v Perevode Otkrovennogo Pisatelya* [Letters of "Noble" Foreigners Translated by the Frank Writer]. *Delo*, 1878, no 3, pp. 71–97.
13. Turgenev I. S. *Iz Neizdannoï Perepiski s B. M. Markevichem i A. P. Filosofovoi* [Letters from Unpublished Correspondence with B. M. Markevich and A. P. Filosofova]. *Zvenya*. Moscow – Leningrad: ACADEMIA Publ., 1935, t. V, pp. 282–303.
14. Turgenev I. S. *Polnoe Sobranie Sochinenii i Pisem v 30-ti tt.* [Complete Works and Letters in 30 Vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1986, Vol. 12, 814 p.